ленными примерами модулями сравнения в научно-популярных лингвистических текстах являются следующие модули-признаки, характерные для большинства тематических групп:

– по характеру делания *(слова нанизываются, как бисер на нитку);*

– по характеру состояния *(слово увядает, как цветок без воды);*

– по характеру движения *(процесс языкового развития, как река; диалекты текут и движутся, как вылившаяся из вулкана лава);*

– по агентивной функции *(подобно регулировщику глагол управляет словами; норма, как зоркий страж);*

– по назначению *(дефис, как соединительный шов между словами; парадигма напоминает обойму;*

– по образу действия – *(значение слова можно сравнить с почкой, появившейся ранней весной; грамматические значения подобны анализу крови или температуре тела).*

Сложность выделения *модулей* сравнения объясняется помимо всего прочего еще и противоречием между *точностью обозначения* признаков и возможностью или необходимостью *обобщения* этих признаков. Следует сказать, что классификация модулей сравнения несколько условна, так как в выделенных группах признаков референты сравнения имеют метафорический характер.

Эмоциональные сравнения образно, экспрессивно характеризуют различные признаки предметов, качеств, действий, явлений природы, человека, повседневных ситуаций, научных понятий. Именно образность и яркость позволяют авторам научно-популярных лингвистических текстов предпочесть экономное и точное сравнение развернутому описательному дискурсу, тем более что сравнение, как правило, еще и неповторимо, индивидуально, экспрессивно и вносит удивительное изящество и ясность в самые сложные понятия.

Литература

1. *Вомперский, В.П.* К характеристике стиля прозы М.Ю. Лермонтова (стилистическая функция сравнения) / В.П. Вомперский // Русский язык в школе. – 1964. – № 5. – С. 25 – 33.

2. *Квятковский, А.П.* Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М., 1966.

3. *Колесов, В.В.* История русского языка в рассказах / В.В. Колесов. – М., 1982.

4. *Максимов, В.И.* Точность и выразительность слова / В.И. Максимов. – Л., 1968.

5. *Милославский, И.Г.* Зачем нужна грамматика / И.Г. Милославский. – М., 1988.

6. *Мокиенко, В.М.* Загадки русской фразеологии / В.М. Мокиенко. – М., 1990.

7. *Успенский, Л.В.* Слово о словах (Очерки о языке) / Л.В. Успенский. – М., 1957.

8. *Федоров, А.И.* Образная речь / А.И. Федоров. – Новосибирск, 1985.

9. *Харченко, В.К.* Писатель Сергей Есин: язык и стиль / В.К. Харченко. – М., 1998.

УДК 81’42

И.А. Мартьянова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматривается аналитическая тенденция развития русского синтаксиса, квалификация и функционирование его единиц в современной прозе. Актуальные синтаксические процессы анализируются в языковом, речевом и текстовом аспектах.

Язык, речь, текст, развитие, синтаксические единицы, функционирование.

The article considers the analytical tendency of the development of Russian syntax, qualification and functioning of syntactic units in modern prose. The actual syntactic processes are considered in the aspects of language, speech and text.

Language, speech, text, development, syntactic units, functioning.

Одна из актуальных проблем русистики – коммуникативно-структурная квалификация синтаксических единиц, состав которых в настоящее время как никогда широк и разнообразен, что объясняется не только синтезирующей ролью синтаксиса в грамматической системе, но и разнообразием сфер их функционирования. Внимание лингвистов, прежде всего, привлекают относительно новые понятия (*синтаксема, сложное синтаксическое целое, композитив* и др.), однако требуют дальнейшего осмысления и, казалось бы, знакомые явления (*словосочетание, простое и сложное предложение, конструкция с прямой речью* и др.).

Синтаксические единицы выделяются на разных основаниях в традиционной, функциональной, коммуникативной грамматиках, при этом наиболее плодотворным оказывается их анализ в функциональной среде – в речи и тексте. В связи с этим особое значение приобретает столь динамично развивающийся феномен, как текст современной прозы. В литературе русского постмодернизма проблема высказывания закономерно выступает на передний план, вследст-

вие чего, лингвистически значимой оказывается синтаксическая рефлексия ведущих российских прозаиков (Т. Толстой, Л. Петрушевской, А. Королева, В. Сорокина, В. Пелевина, Л. Улицкой, М. Палей и др.). Приведем свидетельство Л. Петрушевской: «Мои рассказы кочевали по редакционным столам, и я вдруг, оцепенев, прочла в самотеке журнала “Новый мир” рассказ со своим буквально синтаксисом!!» [7, с. 320].

Очевидна многопрофильность современного прозаического дискурса, его идиостилевое разнообразие. Для лингвистического исследования необходимо привлекать не только новый, но и более широкий, разнообразный в жанрово-родовом отношении материал. Например, киносценарий, в качестве формирующегося типа текста, способен активно стимулировать развитие новых синтаксических явлений [6, с. 150]. При этом следует учитывать, что изменения в синтаксисе происходят не столь быстро, как, например, в лексическом составе языка, многие синтаксические единицы формируются в течение веков. По мнению С.Г. Ильенко, мы являемся свидетелями формирования сложного синтаксического целого, новых типов бессоюзного сложного предложения и других синтаксических явлений [3, с. 326 – 341].

Что касается их текстовой специфики, то сегодня, по мнению критика В. Курицына, «не только в «жизни», но и «в словесности» на передний план выходит проблема организации высказывания» [4, с. 192]. Разумеется, «каждый автор имеет право начинать заново, как будто до него ничего не существовало, как будто это он, только что, сию секунду, выдумал словарь и синтаксис» [2, с. 23]. Но для современного прозаика, его читателя и критика столь же очевидно и другое: «Каким же грандиозным самомнением надо обладать, чтобы написать: “Иван Петрович встал со скрипучего стула и подошел к распахнутому окну.” <...> Нужно твердо, до беспамятства и фанатизма, верить в свою власть над миром, чтобы думать, будто ты описываешь жизнь такой, какая она есть» [2, с. 24].

Анализ изменения синтаксического строя не может быть герметичным, сугубо синтаксическим: для его эффективности необходим выход в культурную и социальную проблематику, однако тенденции синтаксического развития не могут интерпретироваться как ее непосредственное отражение. Систематизация представлений о синтаксических единицах невозможна без точного определения концептуальных ориентиров.

Обращаясь к проблеме синтаксических инноваций, следует дифференцировать общее (языковые антиномии, взаимообусловленность экономии / избыточности языковых средств) и частное – то, что присуще русскому языку (прежде всего, аналитическую тенденцию его развития), необходимо учитывать аспекты диахронии и синхронии, синтаксической нормы. Изучение новых явлений в синтаксисе русского языка подразумевает не только структурно-семантическую характеристику его единиц, но и анализ их функционирования.

Интерпретируя дискурс современной прозы, исследователи, как правило, опираются на набор ее принципов, суммированных В.П. Рудневым: неомифологизм, игра на границе между вымыслом и реальностью, иерархия текстов в тексте, приоритет стиля над сюжетом, уничтожение фабулы, нарушение связности текста, моделирование реальности и т.д. [8, с. 237 – 241]. В собственно синтаксической интерпретации закономерное внимание уделяется его аналитичности, в частности, парцеллированным, вставным и некоторым другим конструкциям.

В работах Г.Н. Акимовой (1990), Н.Ю. Шведовой (1966) аналитизм, или аналитичность, расшифровывается следующим набором довольно разнородных признаков: изменения в структуре словосочетаний, прежде всего со связью управления; активизация так называемых биноминативных предложений, обусловленная усложнением функций местоимения *это*; изменения в употреблении односоставных номинативных предложений; появление новых разновидностей бессоюзных сложных предложений и синтаксических объединений на базе диалогических сцеплений; усиление процессов сегментации и парцелляции. Перечисленные признаки действительно находят свое подтверждение в современной прозе (приведем только один пример, демонстрирующий усиление названных процессов):

Писательница в коме. Какая прелесть! Дурные сериалы имени Санта-Барбары подарили нам это понятие как обиход жизни. В них. Сериалах. Регулярно кто-то лежит в коме, а потом встает и идет как новенький…

(Г. Щербакова. Уткоместь)

Традиционный подход к исследованию аналитической тенденции в определенной мере себя исчерпал. Она не может пониматься упрощенно, только как «дробление» предложения (высказывания) и текста. Демонстрируя диалектику расчлененности/интеграции, она стимулирует развитие средств компенсации, в качестве которых выступают разнообразные скрепы (союзы, союзные слова, дейктические элементы, частицы и др.):

И.
Наконец – Чехов-3;
Поэтому.

(В. Сорокин. Голубое сало)

Нельзя не согласиться с С.Г. Ильенко в том, что следует дифференцировать языковой, речевой и текстовый аспекты аналитизма. В первом случае речь идет о собственно грамматических закономерностях, во втором – о влиянии на литературный язык устно-разговорной стихии. В текстовом же ракурсе на передний план выступают делимитационные процессы, обусловленные не только задачей изображения звучащей речи, но и более глубинными факторами (типологическими, жанровыми, идиостилевыми) [3, с. 389 – 399]. При этом изменения, происходящие в словосочетании, простом и сложном предложении, имеют взаимообусловленный характер.

Трансформация словосочетаний (в частности, безобъектное использование переходных и непере-

ходных глаголов) имеет, помимо языковых, текстовые и речевые стимулы. В монологах М. Жванецкого она становится средством выражения самоиронии: «И после того, как не понял сложного и не осуществил, начинаешь открывать простые вещи…» (М. Жванецкий. Простые вещи). Безобъектное использование глаголов лежит также в основе демагогического приема затемнения смысла: «Почти везде приходилось бывать, встречаться, помогать...» (Г.А. Зюганов).

В современном тексте погружение во внутренний мир персонажа может синтаксически оформляться как расширение объектной позиции. Это, в свою очередь, провоцирует отрыв от переходного глагола распространенного объекта, для выражения которого может использоваться несколько предикативных частей:

Я почувствовал чей-то взгляд, оглянулся и увидел глаза матери. Это меня она искала в толпе. Я понял, что она вспомнила...

...Тот осенний день, когда лошадь, чего-то испугавшись, выбросила меня из седла и я запутался одной ногой в стремени.

(А. Мишарин, А. Тарковский. Зеркало)

В структуре простого предложения отмечена активизация детерминирующих обстоятельств. Этот процесс обусловлен не только собственно языковым фактором (ослаблением присловных связей), но и характером функционирования детерминантов в современном тексте. Под их воздействие может подпадать как отдельное предложение, так и текстовый фрагмент:

В этот день под Петербургом, в Царскосельском парке…

Прогуливаясь по аллее над прудом, где плавали лебеди, царь Николай бросал платок, и сопровождавший его пудель прыгал в воду и снова возвращался к ногам царя. День был солнечный, тихий. Развлечения царя прервал голос адъютанта.

– Свершилось, ваше величество!

Николай перекрестился и быстро зашагал к Александровскому дворцу.

(В. Мотыль, О. Осетинский. Звезда пленительного счастья)

Для понимания изменений в системе сложного предложения является принципиальной его трактовка в качестве коммуникативно-структурного единства, составляющими которого выступают не простые предложения, а предикативные части [3]. Одной из тенденций его развития выступает функционирование предикативных частей в позиции членов предложения:

Одна была как Брижит Бардо, русский смуглый вариант, все в большом порядке и мальчики смотрят со значением…

(Л. Петрушевская. О, счастье)

Не менее важным является представление о центре и периферии поля сложного предложения. Его ядром, наиболее устойчивым к изменениям, выступает сложноподчиненное предложение (прежде всего нерасчлененного типа). Далее располагаются сложносочиненное и бессоюзное сложное предложения, граничащие со сверхфразовыми текстовыми образованиями. В составе графического бессоюзия развиваются новые типы собственно бессоюзных сложных предложений [3, с. 317 – 325].

В современной прозе границы сложносочиненного предложения размываются и «сверху», и «снизу». С одной стороны, этот процесс стимулируется по сути текстовыми взаимоотношениями его предикативных частей, связанных сочинительными союзами, а с другой – мнимой однородностью членов предложения, для связи которых используются те же союзы: « …Симеонов тушил свет <…> и очень часто сдавался, и тогда ел на ужин горячее…» (Т. Толстая. Река Оккервиль)

Интересные процессы происходят в сфере многокомпонентных сложных высказывания с одинаковыми и разными видами связи. Ранее лингвистами интерпретировался их размер и структурные особенности, но этот герметичный, собственно грамматический подход должен быть дополнен выходом в текст. Многокомпонентные высказывания имеют разные стимулы функционирования в прозе Т. Толстой, В. Пелевина, В. Тучкова, Л. Петрушевской, С. Болмата, А. Слаповского и других авторов. Оно осуществляется как с ориентацией на модель предложения, так и на модель сложного синтаксического или сложного тематического целого (в следующем примере):

…На этот раз Парфену удается оторваться; правда, тут же после этого машина соскальзывает с грязной обочины в кювет; в ушибах и царапинах, оборванные и грязные, голодные и похмельные друзья бредут пешком, вот тут-то и настигают их бандиты, отнимают деньги, привязывают к трем придорожным осинкам и готовятся расстрелять (на виду у проезжающих, чтоб другим неповадно было), завязывают им милосердно глаза, и Писатель, Парфен и Змей, готовясь к смерти, успевают каждый за минуту мысленно вообразить себе свою жизнь...

(А. Слаповский. День денег)

На квалификации синтаксических единиц (от словосочетания – до многокомпонентного сложного предложения) сказывается несомненное влияние устно-разговорной стихии. Оно находит отражение в разнообразных синтаксических «неправильностях» Л. Петрушевской, В. Сорокина, В. Маканина. Но думается, что на этот процесс можно смотреть и шире: как на стремление современных прозаиков «заставить работать» аномалии текста, демонстрирующие сдвиги в мировосприятии автора и читателя.

При рассмотрении речевого и текстового аспектов аналитичности невозможно обойти вниманием использование вставных конструкций. С одной стороны, они характерны для спонтанной устной речи, а

с другой – обладают большим текстообразующим потенциалом. С их помощью актуализируются диалогические отношения автора и читателя, вовлекаемого в поиск средств художественного выражения. Включение вставных конструкций увеличивает объем высказывания, создавая иллюзию неограниченного, подобно гипертексту, развертывания его структуры:

Под стрекотание кинопроектора и какую-то незнакомую музыку (Давыдов предположил, что она имела неземное происхождение), вызывающую ощущение причастности ко всему сущему, на экране <…> аккуратно подстриженные советские футболисты забивали голы на чемпионате мира в Англии (из чего Данилов заключил, что никакой Великобритании тогда не было и в помине) и не раздевались при этом, как теперь, а по-мужски пожимали друг другу руки…

(В. Тучков. Тот свет).

Обращение к современному тексту предполагает изменение самого метода его синтаксического анализа. О. Мандельштам подчеркивал в “Разговоре о Данте”: «... все наше учение о синтаксисе является мощнейшим пережитком схоластики, и, будучи в философии, в теории познания, поставлено на должное, служебное место, будучи совершенно преодолено математикой, которая имеет свой самостоятельный, самобытный синтаксис, — в искусствоведенье эта схоластика синтаксиса не преодолевается и наносит ежечасно колоссальный вред» [5, с. 208].

Преодоление схоластики синтаксической интерпретации современного прозаического дискурса диктуется «полной сменой литературного кода» [9, с. 253], изменением роли писателя и типа читателя. Так, Л. Петрушевская, моделируя образ читателя, задает принципы структурирования своей прозы, в частности, определяет характер композиционно-синтаксического развертывания чужой речи: «... В рассказах я не должна была ничем завлекать и забавлять читателя. Никаких диалогов, остроумных сравнений и эпитетов. Если разговор, то спрятать его в кавычки внутри абзаца. <...> Мой читатель не должен был соблазняться легкостью чтения» [7, с. 321 – 322]. Это кредо обусловливает разнообразие синтаксических способов передачи чужой речи в произведениях Л. Петрушевской и других авторов:

А говорит он общеизвестные парадоксы – симулянтами, вещает он, полны кладбища, и Бог не имеет отношения к религии, и единственное, к чему стремятся все политики, это переизбрание, сигаретку попрошу?

Такие же речи он носит и в гости, в очень редкие гости (не зовут, он сам приходит, буквально стоит у подъезда и беззубо, умильно просится в домофон: я тут пролетая над вашей территорией, можно к вам?).

А секрет в том, что его боятся, вдруг да начнет оставаться (любимая фраза женщин: «Чувствую, он начинает оставаться»).

(Л. Петрушевская. Ребенок Тамары)

Сегодня одновременное упрощение (аналитическая дробность) и усложнение синтаксиса (создаваемое, в частности, комплексным использованием новых явлений) выступает на передний план как специальная забота автора. Современные прозаики, если и не исповедуют принцип «не лексика, а синтаксис», то в полной мере ощущают изменения в семантике и строе синтаксических единиц, что непосредственно влияет на их функционирование.

Литература

1. *Акимова, Г.Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М., 1990.
2. *Генис, А.* Иван Петрович умер. Статьи и исследования / А. Генис. – М., 1999.
3. *Ильенко, С.Г.* Русистика / С.Г. Ильенко. – СПб., 2003.
4. *Курицын, В.Н.* Журналистика: 1993 – 1997 / В.Н. Курицын. – СПб., 1998.
5. *Мандельштам, О.Э.* Разговор о Данте // О.Э. Мандельштам. Избранное. – Таллин, 1989. – С. 164 – 208.
6. *Мартьянова, И.А.* Кинематограф русского текста / И.А. Мартьянова. – СПб., 2011.
7. *Петрушевская, Л.С.* Девятый том / Л.С. Петрушевская. – М., 2003.
8. *Руднев, В.П.* Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М., 1997.
9. *Тимина, С.И.* Современный литературный процесс (1990-е годы – начало XXI века) / С.И. Тимина // Русская литература XX века. – М., 2011. – С. 253 – 272.
10. *Шведова, Н.Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе / Н.Ю. Шведова. – М., 1966.

УДК 13.00.02

Е.В. Марченко
Научный руководитель: кандидат педагогических наук, профессор Г.В. Сороковых

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ РИТМИКО-ИНТОНАЦИОННЫХ НАВЫКОВ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Обучение интонации занимает центральное место в педагогическом процессе при обучении иностранному языку. Вся интонационная система несет значительную коммуникативную нагрузку. Она может изменять или даже отменять информацию, передаваемую лексическими или грамматическими средствами.

Интонация, ритм, интонема, произношение, темп, интонационная система, тон, фразовое ударение.